

Библиотека
Конан

КОНАН И ТЕМНЫЙ ОХОТНИК

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

«Северо-Запад Пресс», «АСТ», 2005, том 106 «Конан и темный охотник»
Ник Орли. Великий друид (повесть/рассказ), стр. 324-392

- [Ник Орли](#)

○

Ник Орли

Великий друид

Ранним летним утром, когда свет солнца, поднимавшегося над линией горизонта, стер с неба звезды, стражники у ворот Тарантии по команде офицера сняли тяжелый засов, вынули из-под створок деревянные клинья и неторопливо распахнули прочные створки из окованных железом лубовых досок. Мощные петли были хорошо смазаны, ворота открывались легко и без скрипа.

В город въехали припозднившиеся вчера путники, ночевавшие у городских стен, а из города выехали самые торопливые и предусмотрительные — чтобы не дышать пылью от встречных торговых обозов и телег крестьян, везущих продукты в город. Чуть позже через ворота выехал на хороших конях отряд всадников, вооруженных, но бездоспешных — десяток королевских гвардейцев, юноша лет четырнадцати, рослый, но еще не вошедший в мужскую силу, и высокий широкоплечий мужчина лет сорока с лишним, выделявшийся своей мощной фигурой даже среди отборных воинов королевства Аквилонии.

— Видал? — кивнул вслед кавальcade один из стражников. — Король Конан с наследником куда-то в дальний путь собрались.

— Почему ты думаешь, что в дальний?

— Так одеты для долгой дороги. Когда король выезжает в ближние города, одевается более пышно. И охрана тогда в парадной форме едет. Когда на охоту — то с ним едут егеря, придворные. Когда на войну — оруженосцы с доспехами.

— И куда, ты думаешь, они поехали?

— А вот это уже не нашего ума дело.

— Чего уж так-то? Сказал бы просто — не знаю!

— Придержи язык, пока его тебе не подрезали! Если было бы надо, то перед выездом короля заранее проехали бы гонцы, чтобы известить кого надо и подготовить проезд короля со свитой. А если этого не сделано, значит, государь не желает лишней огласки. Вот не болтай лишнего.

Всадники тем временем пересекли широкую равнину и скрылись за поросшими лесом холмами. Путь их лежал на север. Ехали они довольно долго, в темпе обычного воинского перехода, не торопясь, но и не расслабляясь. Оставались позади деревни и возделанные поля, давно обжитые места сменялись густыми лесами, потом снова начинались вырубки, появлялись дымки кузниц и пекарен, а дорога тянулась все дальше и дальше. Наконец король скомандовал остановиться на привал и повернул своего коня к ближайшему леску.

Здесь всадники спешились и пустили коней отдыхать, сами тоже устраивались в тени деревьев. Один из гвардейцев, расстелив свой плащ, выложил на него хлеб и нарезал его крупными кусками. Король взял два куска хлеба и предложил один из них сыну. Тот взял хлеб и с недоумением спросил:

— Это у нас такой обед сегодня?

— А чем тебе не нравится? Если ты проголодался — ешь.

— Я не понимаю, отчего нельзя было взять с собой чего-нибудь более приемлемого? Или пообедать в любой из встречных деревень? И куда мы вообще едем?

— Пойдем-ка, — сказал Конан и неторопливо направился в сторону от места привала. — Мы едем в Киммерию. На мою родину. На родину твоих предков.

— Что, прямо сейчас? — удивился Конан: — Без подготовки, без предупреждения? У меня ведь тоже были кое-какие свои планы на ближайшее время!

— Мы едем прямо сейчас, — твердо ответил король. — У меня все подготовлено. А если твои замыслы окажутся несколько нарушены, то поверь мне, что это на самом деле не важно. Если захочешь, ты сможешь осуществить их после нашего возвращения, а если они будут нарушены непоправимо, то не стоит о них и жалеть. Не пойми это как пренебрежение к твоему мнению. Тебя учили лучшие учителя, которых я мог найти, ты много знаешь о мире, умеешь фехтовать и имеешь представление о королевских обязанностях. Но в королевском дворце не всегда понятна настоящая жизнь. А жизнь часто ломает безупречно налаженный порядок, опрокидывает тщательно продуманные планы и развеивает как дым мечты и стремления.

— Но зачем же самому устраивать переворот в своей жизни?

— А просто так! Ты знаешь, в юности я немало странствовал, повидал мир, одержал множество побед. А последнее время я сижу в Тарантии, занимаюсь государственными делами и не могу оторваться от них! Королевский долг держит меня крепче тюрьмы и надежнее железных цепей. Но если я создал порядок, который держится только моей волей, то я хотел бы увидеть и понять это до того, как это окажется непоправимо. Да и тебе, сын мой, полезно будет отдохнуть от городских стен и торжественных церемоний, чтобы увидеть настоящий живой мир. Я бы хотел, чтобы ты увидел его так, как я. Хотя мир постепенно меняется, и я сам не знаю, что увижу в родных местах.

— Хорошо, отец. Но когда примерно мы вернемся назад?

— Не знаю. Как получится. Рассчитывай на месяц, если нам не встретятся неожиданные препятствия.

Они прошли по лесу. Среди редко растущих дубов и зарослей орешника король показал наследнику на вполне неприметный участок:

— Видишь? Звериная тропа ведет в низинку, там может быть родник. Зверь зря шуметь и прорицаться сквозь заросли не будет, идет по тропе и ветки здесь не загораживают проход. И следы видны, если приглядеться. А ты плохо ходишь. Шумно. Я и дома замечал — ты ступаешь слишком тяжело. Дома это ощущается как удары по полу, здесь это просто более шумный шаг. Мягче надо ставить ногу, перекатом края стопы. Учись, этот пустяк может когда-нибудь спасет тебе жизнь. Ты слишком долго жил в каменных стенах, мне следовало раньше окунуть тебя в настоящую жизнь. В жизни некогда вспоминать правила, которым тебя учили — настоящие знания проявляются неосознанно. Ты делаешь, а только потом понимаешь, почему ты сделал это именно так.

— Отец, а может, мне стоило бы отправиться в странствия одному? Чтобы узнать все и научиться самому?

— Может быть, и стоило бы, — усмехнулся Конан. — Но большинство тех искателей приключений, с которыми сводила меня судьба, давно и безнадежно мертвые. Понимаешь, тебя научили владеть оружием, но тебе очень редко пришлось бы применять свое мастерство в честных поединках. Большинство смертельных ударов наносятся не по правилам фехтования, и куда важнее вовремя почувствовать намерения человека, пока он всего лишь сжимает в кулаке кинжал.

Понять, кто тебе действительно опасен, а кто просто сыплет пустыми словами. И не

обернуться спиной к первому, и не бросаться сдуру на второго. Потому что невозможно защитить свою жизнь и честь, убивая каждого болтливого дурака на своем пути.

Отец и сын вернулись к месту привала, доели хлеб и запили его водой из фляг. Двое воинов во время привала бдительно следили за окрестностями, остальные отдыхали. Хороший солдат никогда не упустит возможность вздремнуть. Король обратил на это внимание сына:

— Как бы ты ни был уверен в безопасности дороги, военный отряд должен выставить охранение. Пусть лучше сто раз люди будут совершать бесполезное наблюдение, чем один раз дадут напасть врагу внезапно.

— Да, я знаю.

После отдыха отряд снова сел на коней и в прежнем темпе двинулся дальше. Ехали до тех пор, пока солнце не начало клониться к вечеру. Тогда остановились возле одной из придорожных деревень и поужинали в местной таверне — вкусно и обильно, а для ночевки поставили шатер из тонкого шелка, который вез в свернутом виде один из воинов.

Так они ехали еще два дня, переправились через Хорот на паромной переправе, устроенной на пути из Танасула в Бельверус и снова свернули с большой дороги на проселок, ведущий к северу. Проезжая через встречные селения, они задерживались лишь для того, чтобы пополнить съестные припасы для людей, да купить овса для лошадей.

Третья ночевка выпала быть на берегу Ширки. Здесь, в верховьях, ее можно было перейти вброд, это дальше она становилась полноводной рекой.

Для ночлега встали лагерем неподалеку от ближайшей деревни, но под вечер, поужинав, не легли спать. То есть, была назначена очередность часовых, но в сгущавшихся сумерках к королю подошел десятник Виссонт с невольно расплывающейся в улыбке физиономией:

— Государь, — сказал он, — мы вроде как бы в воинском походе, но ведь на самом-то деле никакой беды не ждем?

— Ты это к чему?

— Так такое дело... Сегодня же праздник в народе отмечают. Перелом года, самая короткая ночь в году.

— И что?

— Ну, ребята глянули. Тут неподалеку местные как раз гулять будут, так, может, мы сходим? К утру, как положено, все будут на месте.

— Ладно, пусть. Но один часовой должен все же быть на посту.

— Конечно, государь! И сменим его вовремя. Все будет хорошо.

Воины собрались быстро и целеустремленно. Через несколько минут они дружной гурьбой направились к реке, где уже стали видны отсветы большого костра.

Конан обратил внимание, что оружие они предусмотрительно сложили в шатер и по возможности сменили походное снаряжение на более легкую одежду.

Стемнело, в ночном небе ярко светили звезды, молодой месяц висел над линией горизонта, а от реки доносились звуки песни. Слов на расстоянии было не разобрать, но мотив звучал радостно и чисто. Король с сыном сидел у догорающего костра, как вдруг часовой, невидимый в темноте, шумно двинулся в сторону с возгласом:

— Кто идет?

Послышались возня и невнятные возгласы, и вскоре воин направился к костру, подталкивая перед собой человека с заломленной за спину рукой. Король встал и шагнул к нему навстречу:

— Что случилось, Марк?

— Вот, государь, шел к нам, отвечает невпопад, и чего ему надо, непонятно...

— Отпусти его.

Бородатый мужчина, высокий и худощавый, неторопливо поправлял на себе одежду и, устремляя на короля взгляд безумных глаз, что-то бормотал.

— Что ты там говоришь? — спросил его король.

— Что вы от меня хотите? Вы мне не нужны, и ее здесь нет...

— Кого?

— О, Аннабель, любовь моя, где ты? Опять я не найду успокоения душе моей... Я отдал бы за тебя жизнь, но зачем тебе моя жизнь?! О, Аннабель...

— О ком ты говоришь, где она? — спросил Конан.

— О, Аниабель! Взгляд ее для меня дороже всех сокровищ мира. Они называли ее ведьмой! Какое мне до этого дело? Они называли ее дурнушкой! Что они понимают в красоте? О, Аннабель...

— Где она?

— О, Аннабель! Ты не дашь мне покоя... Твой светлый образ зовет меня и снова и снова я бреду без дороги и без цели...

Безумец вдруг повернулся голову, будто что-то увидел в непроглядной темноте леса и двинулся мимо короля. Марк попытался ухватить его и удержать, но Конан перехватил его руку:

— Пусть идет.

— Да, государь. Я ведь только что вспомнил, это безумец с озера Обер. Он безопасен, и его никто не трогает, иначе не будет добра тому, кто его обидит.

— Что это за озеро Обер?

— Ну, я на самом деле-то плохо помню, — смутился гвардеец. — Еще в детстве раннем слышал легенды, а сейчас вот вспомнил. Это дымное озеро Обер, и излюбленный ведьмами Вир...

— И где это оно?

— Не знаю. Пожалуй, что нигде. То есть, нет на самом деле такого места в округе, есть лишь рассказы о нем.

— Ладно. Каравуль дальше.

Конан отошел от шатра и прислушался. Безумец с озера Обер удалялся, еле слышен был хруст веток под его шагами. У реки хоровое пение прекратилось и слышны были отдельные веселые возгласы, смех, порой доносился звук свирели. Воздух, напоенный ароматами цветущих трав, казалось, опьянял не хуже вина, стрекот кузнецов и лесные шорохи сливались в торжествующую музыку природы. Во мраке леса возникали и исчезали смутно видимые светящиеся пятна. Неспроста люди праздновали сегодня, ощущение чего-то особенного настигало с пугающей неотвратимостью, и Конану приходилось делать над собой волевое усилие, чтобы сохранять ясное восприятие происходящего. Он собирался уже вернуться к шатру, как в лесу снова послышались легкие шаги.

— Веселенькая сегодня будет ночка, — пробормотал киммериец.

Человек приблизился, и Конан увидел перед собой невысокую молодую женщину в светлом платье. В лунном свете показалось округлое лицо в обрамлении распущеных волос, удерживаемых лишь венком из луговых цветов.

— Кого ищешь, красавица? — окликнул он ее.

— Тебя.

Она медленно подошла к нему, сняла с головы венок, надела его на голову короля. Чтобы дотянуться, ей пришлось поднять руки над головой и прильнуть к нему всем телом.

— Пойдем со мной, — сказала она.

— Ты знаешь, кто я? — спросил киммериец. Женщина была ему желанна, но он уже привык просчитывать все последствия своих действий.

— Ты мужчина, — просто ответила она, протягивая ему свою руку. — А в эту ночь мужчины не отказывают женщинам.

— Вот как? — спросил Конан, обнимая ее округлый стан и бросая быстрый взгляд в сторону костра. Там рядом с Конном тоже сидела женщина, тесно прижимаясь к юноше.

— Ну что же, пойдем...

* * *

К вечеру шестого дня королевский отряд подъехал к небольшой крепости в северной провинции Аквилонии, построенной возле деревни, расположенной на берегу не то широкого ручья, не то крошечной речушки. Крепость тоже не поражала мощью и величием — кое-как сложенные из плохо обтесанных камней стены имели высоту в два человеческих роста, неглубокий ров служил не столько преградой врагам, сколько канавой для стока дождевой воды, края его оплыли и густо заросли травой.

— Недолго же выстоит такая крепость при штурме, — насмешливо сказал Конн.

— Видишь ли, — возразил король, — стены невысоки, но с лошади не запрыгнешь, все равно лестницы нужны. То есть этого достаточно, чтобы жителям укрыться в крепости и отбить набег небольшого отряда, а большого войска здесь обычно ждать не приходится. А если все же будет большая война, то подойдет на помощь и наше войско.

Тем временем они подъехали к воротам крепости и были остановлены грозным окликом стражника.

— Кто едет?

— Король Аквилонии! — отозвался гвардеец, ехавший впереди отряда.

Стражник схватил трубу и подал троекратный сигнал довольно противного звучания.

— А если бы ехали враги? — спросил Конан стражника, въезжая во двор крепости.

— Ну, решетку-то я бы успел опустить в любом случае, — уверенно отозвался стражник, — а врагов мы не ждем, это да. Внезапно они все равно не подойдут, сначала наши гонцы успеют.

Навстречу гостям уже выходили немногочисленные воины этого заброшенного гарнизона и спешил их командир, поправляя на ходу свою одежду.

— Счастлив приветствовать государя Аквилонии, — поклонился он Конану. — Барон Леппик, к вашим услугам.

— Приветствуя тебя, барон! — сказал король, спешиваясь. — Распорядись, чтобы моих людей устроили на ночлег. Сегодня мы гостим у тебя.

— Несомненно, государь, — склонил голову барон. — Но можно ли мне узнать — не война ли надвигается на наши земли? Не нужно ли предпринять какие-нибудь срочные

меры?

— Нет, успокойся.

Барон послал слугу проводить короля и наследника в покой замка, а сам остался распоряжаться во дворе. Через пару часов все собрались в обеденном зале. За обильной, сытной трапезой барон рассказывал королю об обстановке возле границы.

— У меня сейчас под началом полсотни воинов, — говорил он. — На днях мне сообщили, что пикты шарят на нашей стороне, и я послал два десятка конников прочесать приграничные перелески.

— Я смотрю, — сказал Конан, — что в твоем замке стены обильно укрыты дорогими гобеленами, а вот крепостной ров давно не чищен. Ты врага думаешь роскошью запугать?

Барон покраснел:

— Я знаю, государь, — начал оправдываться он. — Я собирался послать людей на чистку рва сразу после уборки урожая.

— Смотри. Это твоя крепость, но ты и в порядке ее должен содержать. А отчего я не вижу за столом твоих сыновей? Ты их от меня, что ли, прячешь?

— Не гневайся, государь, — вздохнул Леппик. — Это моя боль и моя беда. Мои сыновья тяжело больны.

— Чем именно? — заинтересовался король. — Я не слышал, чтобы здесь объявилось моровое поветрие.

— Болезнь не заразная. Мой старший сын Рон имел несчастье влюбиться в дочь барона Сертана. Влюбился безумно! Я не хотел бы рассказывать обо всех его безрассудных поступках, но чем больше прилагал он усилий, тем непреклоннее становился барон в своем намерении воспрепятствовать моему сыну и тем жарче разгоралась любовь Рона. Я отринул горечь многочисленных обид, нанесенных мне в былые времена Сертаном, и настойчиво просил его дать согласие на брак наших детей, но он решительно отказал мне и недавно выдал свою дочь замуж. И теперь мой Рон погрузился в бездну черного отчаяния, так что я теперь всерьез опасаюсь за его жизнь или рассудок.

— Барон! — нахмурился король. — Твой сын сидит сейчас в крепости и предается мрачным мыслям?

— Именно так.

— И ты спокойно на это смотришь?

— Государь, сердце мое полно сострадания, но я не знаю, что я могу сделать!

— Я тебе помогу. Завтра. А что с твоим вторым сыном?

— Мой младший — Дэйн, пристрастился к употреблению иноземного зелья, которое завез к нам в прошлом году один торговец с юга. Эх, попадись мне в руки снова этот ублюдок! Я порвал бы его на куски! Оказалось, что его снадобье вызывает потом непреодолимую тягу принимать его снова и снова. Я сжег лавку, в которой им торговали, вместе со всем запасом этой отравы, но оказалось, что несчастные, привыкшие к зелью, уже не могут без него обходиться. Лишенные его, они страшно мучаются так, что каждый второй из них просто умирает. У Дэйна оставался некоторый запас этой дряни, но три дня назад он закончился, и теперь Дэйн еле жив.

— Слушай, барон, ты всегда так беспомощен? — жестко спросил Конан.

Леппик покраснел и сбивчиво заговорил:

— Государь, я не собирался жаловаться и просить помощи. Знахари пытались лечить моих сыновей, но безуспешно. Что я мог еще сделать?

— Завтра увидишь. И хватит пока что об этом!

Рано утром громкий голос короля разбудил обитателей замка. Конан приказал своим гвардейцам спешно собираться в путь, седлать коней и ждать его, а сам велел барону немедленно снаряжать в дорогу сыновей.

— Рон сейчас собирается, — сказал барон, — а Дэйн — он просто не сможет усидеть на лошади.

— Тогда мы привяжем его к седлу!

— А я могу поехать с вами?

— Конечно. Можешь взять и парочку своих людей, лучше, если из числа доверенных. Собирайся!

Вскоре отряд всадников выехал из ворот крепости и направился в сторону реки. Барон ехал возле младшего сына, бледного и едва держащегося в седле, готовясь подхватить его, если он начнет падать. Старший был тоже бледен и мрачен, что особенно бросалось в глаза рядом с загорелыми лицами других всадников, но в седле он сидел вполне уверенно.

Король не пожелал воспользоваться мостом возле крепости, а двинулся вдоль реки. Он успел расспросить людей барона про ближайший брод и в указанном месте приказал пересечь реку. Королевские гвардейцы первыми успешно переправились на другой берег, уровень воды был чуть выше стремени. Конан въехал в реку, остановился, поджидая сыновей барона, и тут одного за другим опрокинул их в реку. Младший окунулся сразу с головой, встал на ноги, ошелошло утирая воду с лица, и ухватился за стремя своей лошади. Старший устоял было на ногах, но рука короля тут же помогла и ему окунуться с головой. Сделав свое дело, Конан удовлетворенно усмехнулся и скомандовал:

— А теперь — вперед! На берег.

Молодые люди выбрались на пологий берег, оставляя за собой ручейки речной воды, обильно текущей с них. Рон попытался было выжать мокрую одежду, но безжалостный киммериец велел им немедленно садиться в седла и ехать дальше.

— Государь, — спросил барон Леппик, подъезжая к Конану. — Неужели вот этого будет достаточно, чтобы исцелить моих сыновей?

— Не знаю, будет ли этого достаточно, — серьезно ответил король. — Но на пользу им, несомненно, пойдет. По крайней мере, нельзя страдать от несчастной любви в мокрой одежде. Можешь сам попробовать. Ты позволил им киснуть в духоте закрытых комнат и любовно лелеять свои страдания. Мое лечение может исцелить их, а может нет, но пользы от него всяко будет больше, чем от медленного угасания в дворцовых стенах.

Через пару лиг Конан объявил привал, и отряд остановился на краю леса. Вскоре здесь горел костер, на плащ одного из воинов выложили съестные припасы, а Рон и Дэйн смогли, наконец-то выжать одежду и обсушиться у огня. Конан протянул им по фляге с вином:

— Пейте.

Рон выпил и с охотой взял кусок хлеба. Дэйн с перекошенным лицом попытался отказаться, но король снова приказал:

— Пей, я тебе приказываю!

Юноша выпил половину фляги и склонился в приступе неудержимой тошноты.

Конан разочарованно пожал плечами и сказал Леппику:

— Холодная вода — средство простое и надежное. Но не моментальное. Не позволяй ему сидеть в душных комнатах. Вода, свежий воздух и движение должны вернуть ему стремление к жизни. Ну, а уж если не поможет — значит, не судьба.

— Вообще-то, это выглядело весьма неприятно, — тихонько сказал Конн. — Ты обошелся с ними как с глупыми и беспомощными существами. Они не могли тебе сопротивляться, но им наверняка было обидно.

— Ты так считаешь? Видишь ли, я полагаю, что это купание пойдет им на пользу. А если бы я приказал, скажем, облить их водой во дворе замка, то они тут же переоделись бы и ушли мучиться дальше. А здесь они вынуждены двигаться, терпеть мокрую одежду и обувь — они просто не могут сейчас сосредоточиться на своих страданиях. Наверное, я выгляжу бесчувственным и грубым властителем. Самодуром. А барон — любящим отцом, который не может огорчить сыновей жестоким обращением. Посмотрим, кто из нас окажется лучшим лекарем.

В это время на дороге появился всадник. Он гнал коня галопом, а увидев королевский отряд на привале, решительно свернул с дороги и, приблизившись к королю, крикнул:

— Через восточный перевал прошла шайка грабителей! До полусотни всадников. Двигаются к югу. Я заезжал в крепость, там сейчас вооружаются и готовятся выступить в погоню.

— Государь, — сказал барон. — Мне необходимо вернуться в крепость и возглавить отряд моих воинов для преследования разбойников.

— Сколько воинов ты выведешь в поход?

— Два десятка. И десяток оруженосцев. Мы справимся.

— Не сомневаюсь. Но я со своими гвардейцами намерен сейчас же двинуться на перехват этой шайки.

— Да, это будет неплохо. Горный хребет расположен лигах в двадцати отсюда. Двигаясь по берегу реки, мы должны будем выйти чуть впереди по ходу движения разбойников. Я со своим отрядом надеюсь успеть соединиться с вами. Если же вы первыми встретитесь с ними, тогда отступайте на запад, чтобы вывести их под наш удар.

— Если мы с ними встретимся, — ухмыльнулся Конан, — то положим их сами!

— Государь, нет нужды рисковать получить в этой схватке случайный удар! Их все же будет пять к одному.

— Успокойся, барон. Все будет хорошо.

— Я буду спешить.

Барон Леппик распорядился одному из своих людей, хорошо знающему местность, сопровождать королевский отряд, а сам с сыновьями поскакал обратно в крепость.

Гвардейцы тем временем готовили оружие, трое стрелков достали из дорожной клади луки и колчаны со стрелами, натянули тетивы, чтобы быть наготове к стрельбе. Оседлав коней, они двинулись на восток.

— Держись рядом со мной и слушай команды, — велел Конан сыну, — ну а если дойдет дело до сражения, то страйся рубануть первым.

В темпе ускоренного воинского перехода они проскакали десяток лиг, встретив на пути три селения. В первом и втором слышали о разбойниках, но от того же самого гонца, который вез известия в замок, а вот в третьем они встретили торговца, который сам столкнулся с разбойниками, но успел от них уйти.

— Пока они грабили деревню, — рассказывал он, — я задами вывел свою лошадь за ближний лесок и ускакал от них. Но лавку мою, наверное, уже разграбили...

— Давно ты оттуда? — спросил Конан.

— Да только что. Я около пяти лиг проскакал галопом, так что они, наверное, еще там,

— Сколько их было?

— Да неужели у меня было время их считать?

Они промчались через деревню, спешились и пошли с двух сторон, врываясь в дома. Их было достаточно много, чтобы никто не сопротивлялся, но сотни, пожалуй, не наберется.

— Они похожи на военный отряд, или это просто сброд? Как они вооружены?

— Да как обычно. Оружие всякое — мечи, сабли, секиры. Так что на военный отряд не похожи, но действовали слаженно, по команде.

— Копья у них были?

— Нет, я не видел.

— Луки?

— Кажется, у некоторых были луки.

В это время на дороге появился отряд всадников, скорым маршем направляющихся к деревне.

— Это должны быть воины барона Леппика, — сказал Конан.

Действительно, это были они. Барон и его старший сын выделялись среди всадников полированными латами и тяжелыми шлемами с глухим забралом. Остальные воины были облачены в одинаковые длинные кольчуги и шлемы с кольчужными накидками, защищающими шею, вооружены длинными копьями и прикрыты круглыми щитами. Мечи, топоры и прочее оружие ближнего боя обильно обвешивало воинов. Глядя на этот отряд, было видно, что в прямом столкновении в поле они смяли бы и сотню разбойников. Копье достанет противника на расстоянии, так что он не успеет воспользоваться своим клинком, и часть врагов будет убита первым же ударом, остальные смешают строй и не смогут организованно сопротивляться. А дальше — доспехи уберегут воинов от чужих ударов в ближнем бою. Можно разить врага что есть сил. Пусть только противник примет бой, рассчитывая на свое преимущество в численности!

— Разбойники в пяти лигах отсюда, — сказал король, когда запыхавшийся барон подъехал к нему, снимая шлем. — Мы выступим им навстречу и разобьем их. Или они могут свернуть куда-то в сторону?

— Вряд ли. Вдоль горного хребта тянутся довольно малопроходимые и безлюдные места, там им нечем поживиться. Вторгаться вглубь Аквилонии им бессмысленно — они рано или поздно наткнутся на военный отряд, не мой, так другой. Возвращаться к перевалу им тоже не годится — там их встретит усиленная стража. Нет, они должны пройти еще около двадцати лиг и уходить в горы южнее того перевала, через который вторглись к нам. Мы не разминемся.

— Хорошо! Тогда мы едем вперед, а встретив разбойников, повернем назад, чтобы они попали под удар твоей дружины, так?

— Лучше я пошлю вперед несколько своих людей, — возразил Леппик, — а ваш отряд не даст прорваться разбойникам мимо нас. Мы, конечно, разобьем их, но у нас сейчас снаряжение для боя, а не для погони. Они могут попытаться прорваться мимо нас и уйти, тогда вы их перехватите.

— Ладно, — ответил Конан. — Пусть будет так. Двинулись!

Конница выехала из деревни, медленно перестраиваясь из длинной походной колонны в развернутый строй. Две тройки легковооруженных всадников по приказу барона ушли вперед и в стороны, чтобы вовремя обнаружить приближающегося противника и сообщить своим.

Конан вел свой отряд чуть позади баронской дружины, смещаясь то вправо, то влево,

показывая каждый раз сыну — почему он так делает и как в случае внезапного нападения надлежит действовать командиру. Когда в зависимости от местности и ситуации следует немедленно атаковать противника, не давая ему развернуться, а когда надо уходить из-под удара.

— Меня учили этому, отец, — сказал Конн.

— Конечно. Но в настоящем бою некогда будет вспоминать заученные правила, там надо будет мгновенно принимать решение, а ошибиться нельзя.

Они проехали около двух лиг, когда один из передовых конников подскакал к барону и крикнул:

— Впереди показался было всадник, но увидев нас, умчался назад!

— Подстрелить его надо было, растяпы! — раздраженно рявкнул барон.

— Не успели...

— Ладно, вперед.

Как ни были осторожны конники передового отряда, враги обрушились на них неожиданно. Из-за очередного небольшого леска с густыми зарослями орешника на полном скаку вырвался конный отряд и устремился на дозорных. Те развернули коней и помчались назад, сопровождаемые стрелами, а тяжелая конница барона, ускоряясь, устремилась вперед, рассчитывая сокрушить врага мощным ударом.

Разбойники не приняли боя. Подравив двоих дозорных стрелами, они развернули коней и помчались назад. Конан вел свой отряд следом за дружиной барона и отлично видел, как барон залетел в устроенную для него ловушку. Скрытый за лесом другой отряд всадников обрушился на дружину барона Лептика сбоку и вдогон, так что копья его воинов оказались бесполезны, на них нападали сзади и рубили, рубили! Конница может встретить удар только во встречном движении. Даже развернувшись против нового противника, барон подставил бы спины своих воинов первому отряду разбойников. А стоять на месте против превосходящего врага — это поражение. И была бы судьба барона лечь на этом поле вместе со своей дружиной, но Конан, мгновенно оценив ситуацию, бросил свой отряд вперед. Он не мог остановить барона, когда уже понял, что его ведут в ловушку, но он без малейших сомнений ринулся ему на помощь.

— Вперед! За мной! — голос короля на миг перекрыл шум схватки, и Конан со своим отрядом на полном ходу обрушился на врага.

Дружина барона Лептика уже потеряла быстроту и силу удара, его воины смешали строй и лишь отбивались от наседающих со всех сторон разбойников. А королевский отряд на скорости ворвался в битву. Топот лошадей и лязг железа, возгласы торжества и стоны раненых. Сын скакал рядом с Конаном, прикрытый с боков, но в первом ряду атакующих. Король не имел возможности переставить наследника назад, ему надо было немедленно сломать противника.

Отряд короля пробил ряды разбойников, оставляя за собой поверженных врагов и шарахающихся в стороны одиночек, счастливых тем, что им удалось уцелеть после смертоносной атаки гвардейцев. Барон Лептик, получив передышку, уже перестраивал своих воинов и повел их так, чтобы охватить разбойников, пытающихся выйти из-под удара королевского отряда. И в короткой жестокой сече полегли почти все враги, лишь несколько всадников попыталось вырваться из битвы и попытаться уйти, рассчитывая на ревность своих коней. Их преследовали, били стрелами. Когда битва перешла в добивание последних разбойников, Конан опустил свой меч и обернулся к сыну:

— Ты как, цел?

— По руке немного досталось, а так все в порядке.

— Ну-ка, покажи.

Вражеский клинок попал по левому плечу Конна и соскользнул с него, оставив лишь кровоточащую ссадину.

— Сейчас перевяжем, А сам-то ты кого-нибудь достал?

— Я рубанул двоих, — сказал Конн, — вспоминая бой. — Но не знаю, насколько успешно. Все было очень быстро, никакого фехтования. Возникает вдруг впереди орущая рожа, мелькает оружие, удар — и нас уже разнесло в разные стороны. Но одного я точно свалил. Колющим ударом. Конн поморщился:

— Клинок вошел ему в грудь с каким-то мерзким хрустом, и я едва успел выдернуть меч, а то бы его вырвало у меня из руки...

Битва закончилась. Гвардейцы собирались возле короля, вытирали оружие, перевязывали раненых. Воины барона тем временем прошли, подбирая своих людей и добивая раненых врагов, потом принялись раздевать их.

Барон послал легковооруженных всадников проехать по окрестностями собирать лошадей, лишившихся своих наездников, отправил гонца в деревню за телегами для раненых и убитых друдинников, а сам подошел к королю. Вражеский клинок разрубил Леппику пластину оплечья, и он баюкал раненую руку.

— У меня пятеро убитых и семеро тяжело раненых, мелкие раны не в счет, — сказал он. — А если бы не ваша помощь, то не знаю, уцелел ли бы кто-то из моей дружины.

— Да уж, влетел ты в засаду знатно. Что, не приходилось с таким встречаться?

— Нет, государь. В битве такого не бывает, там рубившись с противником копье на копье и меч на меч, а разбойники если и делают засаду, то не в чистом поле и не против готовой к бою дружины. В походе, в лесу я еще мог ожидать внезапного нападения, а чтобы так...

— Ладно. Что ты сейчас намерен делать?

— Соберем добычу, закопаем трофеи, а там должны подойти телеги, погрузим наших убитых и раненых и поедем назад. Ох, и нерадостная получилась победа...

— Понятно. Среди моих воинов нет тяжелораненых, так что мы не будем вместе с вами возвращаться, а прямо отсюда поедем к восточному перевалу.

После короткого отдыха королевский отряд двинулся на север. Ехали не торопясь, постепенно приходя в себя после битвы. Бой выматывает даже самого сильного и выносливого воина. Когда смертоносные клинки пластают воздух перед тобой, и вся твоя жизнь сейчас служит одному — успеть уклониться, отвести удар и первому поразить противника, то все силы человека сосредотачиваются в этот миг и выплескиваются в невероятном напряжении схватки.

— ...У него была сабля, но он поторопился ударить издали — я смог уклониться и полоснул его в ответ...

— ...Он, зараза, целился мене секирой рубануть по башке, а я отводом отшвырнул ему руку с секирой в сторону и на обратном движении клинка достал ему по шее...

— ...Я сшиб его вместе с лошадью и тут же кинжалом встретил другого, ловлю поводья, а они соскальзывают...

— Ну и как тебе твоя первая битва? — спросил Конан сына.

— Не знаю, — с сомнением ответил Конн. — Я скакал, рубил и колол... Все происходило слишком быстро, чтобы что-то понять. Потом... Поле, усеянное трупами — это

довольно мерзкое зрелище. Мертвые люди, изрубленные, окровавленные, не успевшие остыть, а их уже раздевают и собираются зарыть в землю...

— Они бы нас даже закапывать не стали, — спокойно сказал Конан. — Бросили бы на съедение зверям и двинулись дальше.

— Да я знаю! — отмахнулся Конан. — Мы были в своем праве, мы исполняли свой долг, мы оказались сильнее... Просто мне кажется, что гордиться этим довольно глупо. Мы сделали грязную работу и только. Если я смог первым вонзить клинок в грудь своего противника, то я от этого стал сильнее? Более достоин уважения?!

— Просто ты раньше никогда не был вынужден сражаться с противником, который хочет взять твою жизнь. С настоящим врагом, чья ненависть заставляет тебя бороться с напряжением всех своих сил и не оставляет места раздумьям и сомнениям.

— Неужели только злоба врагов может сделать человека сильным?

Конан пожал плечами:

— Наверное, не только она. Но это проще всего — разить без разумий в ответ на вражескую ярость. Ты — или тебя. И все просто и ясно, и клинок разит без пощады, и ты обретаешь победу и гордость, славу и величие...

Или вот представь себе — решил человек жить мирно, никому не мешать и ни от кого не зависеть. Забрался в глушь, в горы, построил дом, пашет землю, пасет скот, растит детей. И может быть вполне счастлив такой жизнью. Но когда-нибудь мимо него будут проезжать лихие люди и ему придется либо терпеть грабеж и унижение, либо умереть с мечом в руках. Умереть, потому что одному не выстоять против десятка. Вот и получается, что одни начинают жить мечом, а другие платят им за защиту. Я воин и уважаю воинов, хотя не могу не признать, что и среди них попадаются совершенные мерзавцы и висельники. Сильные, храбрые, умелые воины, но при этом бесчестные, неблагодарные и жестокие. Жестокие без меры. Сразить противника в честном поединке и добить его, чтобы не мучился — достойно воина. А вот пытать побежденного и издеваться над тем, кто не может тебе ответить — позорно. С другой стороны, далеко не каждый землепашец труслив и беззащитен. Он порой терпит унижение, потому что на нем лежит долг уберечь свой род от гибели, но и он может порой биться так, что грабителям приходится горько пожалеть о том, что они сочли этого мужика легкой добычей. Видал я и такое.

— Вот ты говоришь — мерзкое зрелище, — продолжал король чуть погодя, — Так нам еще не пришлось хоронить убитых. Знаешь, в молодости мне часто приходилось вступать в смертельные поединки и, победив, уходить, а то и бежать, оставляя за собой непогребенные трупы. А это на самом деле очень плохо. Душа убитого не находит успокоения и смущает покой живых...

Не знаю, может это и старицкая блажь, но в последнее время мне начинает казаться, что это именно неуспокоенные души убитых мною людей наводят на меня все новые и новые беды. Ведь вроде бы завоевал я престол Аквилонии в честной борьбе, не интригами и предательством, а своей силой и доблестию, сокрушил врагов и старался наладить мирную жизнь в королевстве. Так вновь и вновь обрушаются на меня испытания, которых я не могу предвидеть. Откуда ни возьмись! Я, конечно, буду биться с любыми напастями, но ведь большую половину жизни я уже прожил... А мне хотелось бы оставить тебе королевство процветающим и могучим, а не погрязшим в череде войн и потрясений. Ладно, как бы то ни было, я сделаю все, что смогу, а уж если смерть перехватит меня на полпути, то в том не будет моей вины...

Они проехали несколько селений, разграбленных разбойниками, не останавливаясь в них. На ходу успокаивали людей, говорили, что банда не вернется, обещали помочь пострадавшим и ехали дальше.

Бандиты на своем пути убили несколько человек, не пожелавших расстаться со своим добром, и сожгли дом, где хозяин уложил насмерть двоих разбойников. Убитые разбойниками, как правило, просто не поняли происходящего и не знали, что за спиной наглецов, вломившихся в их дома, стоит полсотни головорезов.

* * *

К вечеру королевский отряд добрался до пограничной заставы у восточного перевала. Горы громоздились впереди, но по узкой долине, поросшей лесом, между основным хребтом и отрогом вела достаточно пологая дорога, дальше уходящая вверх.

Небольшое селение на выходе из долины перерывало дорогу в горы прочною изгородью, а у ворот дежурили несколько воинов. Заметив приближающийся отряд, они поднялись навстречу подъезжающему королю с оружием в руках. Из расположенной рядом избы выбегали их соратники, на ходу поправлявшие амуницию. Вперед выступил один из воинов:

— Я десятник пограничной заставы восточного перевала Торвик. А вы кто такие?

— Ты не узнаешь своего короля? — возмутился Конан, осаживая лошадь возле десятника. — Ты почему пропустил банду через заставу?! Вы здесь для чего поставлены?

— Не гневайся, государь, — лицо Торвика покраснело от сдерживаемых чувств. — Десяток воинов уходил наперехват отряду пиктов, о котором мне сообщили накануне, а оставшиеся на заставе не смогли удержать ворота и укрылись в казарме. Разбойники не стали их осаждать, потому что от этого у них было бы мало добычи, но много потерь. Они устремились на равнину, а мы послали гонца в замок барона Лептика. Вы с ним встречались?

— Мы с дружиной барона встретили разбойников в поле и побили их.

— Хвала богам! Много ли их успело разбежаться? Нам надо готовиться ловить уцелевших?

— Некого будет ловить, — оскалился король. — Но у барона Лептика четверо убитых. Злая была схватка. Но ладно, принимай гостей, ночевать будем у тебя на заставе.

Усталые гвардейцы спешивались, распрягали коней. Воины с заставы помогали им, в доме разожгли очаг и начали готовить ужин. Конан тем временем осматривал окрестности, потом подозвал к себе Торвика:

— На ближней горе у тебя нет наблюдателей?

— Нет, государь. Оттуда невозможно спуститься, дорога все равно ведет через долину, и обойти заставу никак нельзя.

— Спуститься оттуда тяжело, да, — возразил король, — но вражеский лазутчик вполне мог видеть, как твои люди ушли с заставы. И ударили как раз в тот момент, когда их некому было встретить. В здешних горах много народа живет?

— Да кто их знает? За перевалом есть долины, есть плоскогорья, живут там люди, конечно. Приходят, продают шерсть и выделанные шкуры баранов. Говорят, где-то там камни

добывают, не то, чтобы драгоценные, но купцы охотно берут их для обработки. Дальше дорога ведет по горам в Киммерию.

— Про Киммерию можешь не рассказывать. У тебя должны быть доверенные люди среди горцев, чтобы сообщали обо всем, что происходит вокруг. Ты тут не только пошлину собирать поставлен! Ты заставой Аквилонии командуешь! Людей держать в готовности отразить врага и следить за всем, происходящим, чтобы никакая опасность не была неожиданной. Понял?

— Понял, государь. Я ведь здесь недавно командую, не успел еще...

— Теперь постараися успевать. Какие новости приходили из Киммерии в последнее время?

Десятник задумался, припоминая.

— Да, пожалуй, никаких, — наконец сказал он. — Точно, в этом году ничего из Киммерии и не было. Обычно-то оттуда тянется народ в Аквилонию и дальше на юг, то поодиночке, то небольшими отрядами. И к нам в стражу нанимаются, и дальше идут. А в этом году проходили только караваны с грузом олова из киммерийских рудников, пошлину заплатили, как обычно, и все.

— В банде, которую мы разгромили, если и были киммерийцы, то немного, — припомнил Конан. — Что же это значит? Войны-то там не было, я бы знал. Мор? Тоже были бы беженцы, а еще больше — слухов.

— Не знаю.

— Ладно. Что бы там ни было, я скоро увижу это собственными глазами.

На следующее утро поднялись с рассветом, плотно позавтракали и, не торопясь, собрались в путь, взяв припасов на неделю и немного товаров для горцев с таможенного склада.

Король не собирался торговаться, но готовился отвечать на гостеприимство щедрыми подарками. Перед выходом поменяли повязки у раненых, и Конан велел остаться на заставе одному из гвардейцев, у которого рана подозрительно опухла и покраснела.

— Найдешь лекаря, — приказал Конан Торвику. — И обеспечишь все необходимое.

— А ты, Марк, — обратился он к своему воину, — после выздоровления возвратишься в столицу, расскажешь королеве, что у нас все благополучно. Не расстраивайся.

Со скрипом открылись ворота заставы, и королевский отряд отправился в путь. Дорога через перевал служила живущим здесь людям не одно поколение, так что крупные булыжники были ураны на обочины.

— Вот ведь, — сказал Конан сыну. — Если мы путешествуем по незнакомым местам, придет ли нам в голову убирать камни с дороги? Мы пройдем по любой тропе, замедлив ход, чтобы не переломать ноги лошадям, или спотыкаясь и ругаясь на чем свет стоит, но убирать камни — зачем? Мы же снова здесь не пойдем. А вот люди, которые здесь живут и ходят этой дорогой постоянно, не пожалели сил и времени, чтобы очистить тропу не только для себя, но и для всех будущих путников. Забавно, я усматриваю в этом некоторое подобие доле правителя. Я могу требовать, чтобы мой подданный пожертвовал своим имуществом и самой жизнью по первому моему слову, но если я буду делать это не по необходимости, а по собственному произволу, то развалю государство и собственную власть. Ведь я обязан обеспечивать своим людям защиту и порядок. Каждый убирает со своей дороги свои камни...

Дорога вывела королевский отряд на седловину между двух гор, свернула в чахлый

лесок, где густо растущие тоненькие сосенки наперегонки устремлялись вверх, к солнцу. Потом перед путниками открылось плоскогорье в зелени густых трав, а дорога устремлялась все дальше, вглубь горного массива.

— Вот тоже, — говорил Конан, — ходили здесь люди, ездили на конях, и пробили дорогу так, чтобы идти было легче. Где надо — напрямик, где надо — в обход, но без лишнего пути, а в самый раз. Ну и как, сынок, нравится тебе в горах?

— Ага, красиво, — согласился Конн.

— Когда-то давно я слышал притчу, смысл которой сводился к тому, что не стоит рассказывать про горы жителям степей, а жителю гор про степь. Бесполезно тратить слова — тот, кто не видел ничего подобного, не поймет. И все слова о безграничности пространства степей или о величии гор останутся для него пустым звуком. Невозможно передать словами ощущение, которое ты испытываешь на краю пропасти. Даже если слушающий тебя поймет, что ты хочешь сказать, даже если он видел горы издали, сам он этого ощущения не получит.

— Наверное. А послушай, отец, рассказывают множество историй про твои подвиги. Говорят, ты уже в юности был вождем запорожских козаков...

— Вождем? — король рассмеялся. — Рассказчики всегда любят преувеличивать. Под моим началом было тогда сотни полторы человек. Подумай сам — как бы силен и удачлив ни был пришлый воин, прежде чем он сможет стать настоящим вождем, он должен показать людям, что способен не только сражаться и побеждать. Он должен знать местность и обычай, чтобы не совершать простейших ошибок от незнания. Ни один обычай не возникает просто так, в каждом заложен глубокий смысл, зачастую непонятный пришлым людям. Предводитель должен быть очень предусмотрителен и осторожен, чтобы из глупости и лихости не завести своих людей в ловушку, устроенную врагами. Нужно немало времени, чтобы люди убедились в способности нового человека быть их предводителем. Никакая сила, ловкость и воинское мастерство здесь не достаточны. Видел я многих сильных воинов, которые не способны были командовать хотя бы десятком.

В два дня они пересекли горы, ограждающие северные провинции Аквилонии от Киммерии. Горцы принимали гостей с искренним радушием, но глядя на этих людей, можно было не сомневаться, что в случае надобности они вполне способны будут дать отпор любому врагу. Здесь были такие места, где даже один человек смог бы остановить большой отряд воинов.

Но вот остались позади высокогорные луга и небольшие озера с чистой ледяной водой, укромные ущелья и каменные осыпи. Перед путниками открылась холмистая равнина Киммерии, заросшая вековым сосновым лесом. Король со своими людьми въехал в родную страну по широкому распадку с текущей посередине небольшой речушкой.

На равнине дорога раздваивалась — более широкая сворачивала вдоль горного хребта к оловянным рудникам, а другая устремлялась между пологими холмами, открывая путь вглубь Киммерии. Конан решительно направил своего коня по этой дороге. Сначала на их пути явно были видны следы пребывания здесь людей — проплешины вырубок и черные пятна костищ, деревья с обструганной корой.

— Так добывают смолу, — объяснил Конан сыну. — Сдирают с живого дерева кору, смола выступает крупными каплями и стекает вниз по стволу.

Через несколько лиг эти признаки человеческой деятельности сошли на нет и потянулся сосновый лес, не обезображеный человеческим присутствием. Дорога, заросшая свежей

травой, еле угадывалась, но король уверенно скакал вперед. На привале он с удовольствием прошелся по лесу.

— Видишь, какой здесь лес? — говорил он Конну. — Светлый, чистый. В Аквилонии леса лиственные, густые, деревья и кустарники растут в несколько ярусов, там простору нет. А здесь сосны устремляют к небу светлые стволы, создавая дивное ощущение величия и чудесной гармонии природы. Как будто душа моя воспаряет ввысь. Сосновые кроны смыкаются высоко над головой, прямые ровные стволы внизу лишены веток и взор скользит по ним, не встречая преград. Красота! А вот в еловом лесу не так. Еловый лес темный, мрачный, густые еловые ветки плотные, сквозь них не проходит солнечный свет и видимость мала. Там душно и тошно. А здесь дышится легко.

— Хорошо, — согласился Конн. — Но что же, здесь никто из людей-то не живет?

— Почему? Живут. Охотники бывают зверя и птицу. Но в основном поселения жмутся к воде. К рекам, озерам. Охотник найдет способ утолить жажду, а нет — перетерпит, а вот постоянное жилье всегда рядом с водой. Возле воды — пастбища, потом выжигают участки леса и устраивают поля. Увидишь.

После отдыха они вновь сели на коней и к исходу дня выехали к селению на берегу небольшого озера. Жителей в нем не оказалось, никто не встретил гостей ни доброжелательным любопытством людей, живущих вдали от густонаселенных стран, ни с откровенной опаской битых жизнью земледельцев. Лишь седоволосый старец сидел на крыльце одного из домов, равнодушно отвернувшись в сторону озера и совсем не интересуясь приезжими людьми. Король мягко спрыгнул с коня, подошел к старику и встал перед ним:

— Что здесь случилось, отче? — спросил он. — Куда все подевались?

— А ты кто такой будешь? — спросил тот в ответ.

— Я Конан. Король Аквилонии и киммериец по рождению.

— Ты собираешься присоединить Киммерию к Аквилонии? — глаза старика оживились интересом и опаской.

— Нет. Я пришел как гость, не с войском, а всего лишь с сопровождением.

— А наши приняли вооруженных всадников за передовой отряд чужого воинства...

— Но что же все-таки здесь случилось?

— Ты не знаешь?

— Нет!

— Тогда слушай. Нынешняя весна выдалась очень холодной и затяжной, а в конце весны боги Севера призвали встать под их знамена всех мужчин, способных держать в руках оружие. Все, не все, но лучшие воины Киммерии отправились в Асгард, чтобы принять участие в Великой битве. Остались немощные, как я. Остались малолетние, на них теперь ляжет тяжесть сохранения рода. Остались еще и те, кто счел своим долгом позаботиться в первую очередь о своих близких. Их обзывают трусами, но далеко не все из них остались из страха. Конечно, если поражение в Великой битве приведет к гибели нашего мира, то какой смысл заботы о ком бы то ни было? Но если после битвы жизнь все-таки будет продолжаться, то окажется, что отступники сделали правильный выбор. А ведь Великая битва и в самом деле уже закончилась...

— И кто же победил? — осторожно спросил Конан.

— Никто.

— Как это?

— В Великой битве погибли все наши боги и все герои. Но и враг не одержал победы.

— Откуда ты это знаешь?

— Подумай сам. Никто из наших не вернулся назад. Значит, они все погибли. Но из Асгарда не пришли на землю Киммерии и победители, чтобы воспользоваться плодами своей победы. Значит, их нет.

— Но это только твои домыслы. Ничего точно ты не знаешь?

— Знаю! — в лице старца мелькнула тень былой силы, ведь был он когда-то молод и силен, и как каждый киммериец не мог не держать в руках меча, и его задело замечание короля. — Я чувствую. Я слышал дыхание воинства, ощущал потрясение мира и всплеск ярости боя. Потом все кончилось. Совсем.

— Даже если и так, — задумчиво проговорил Конан. — Если погибли все и никто не смог воспользоваться результатами победы... Тогда в Асгард сейчас должны устремляться толпы мародеров!

— Конечно, — лицо старика исказилось в презрительной усмешке. — Потому я и принял сначала вас за стервятников, спешащих на запах наживы.

Конан призадумался.

— Меня не интересует добыча с мертвых тел, — сказал он наконец. — Но я должен сам увидеть, что сейчас происходит в Асгарде.

— Мне понятно твое стремление. Но ты хорошо подумал? Это ведь не просто место, где полегли в жестокой сече две армии. Здесь бились сами боги. И место их гибели может быть окружено неведомыми чарами.

— Я не боюсь магии, — уверенно ответил Конан. — Я побеждал магов и демонов.

— Ты можешь столкнуться с такими заклятьями, которым будет все равно — боишься ты их или нет, — возразил старец. — Предсмертные проклятия и неуспокоенные души павших героев и богов — я не знаю, чем они могут грозить тому, кто вздумает появиться вблизи места Великой битвы.

— Даже если это будет смертельно опасно, я должен убедиться в этом сам, а не оправдывать свое бездействие досужими рассуждениями!

— Тогда иди.

И Конан снова повернул свой отряд на север. В течение нескольких дней они пересекли Киммерию и приблизились к границе Асгарда. Их встречали и провожали настороженные люди. Кто при появлении вооруженного отряда прятался в лесах, кто выходил им навстречу с оружием в руках, готовый биться с возможными захватчиками. Как правило, это были подростки с тяжелым не по возрасту оружием и немногие оставшиеся дома мужчины. Нет, это были не трусы. И они доказывали это делом. Аквилонцам попадались сожженные деревни, не сумевшие отбиться от врагов. Были селения, оплакивающие своих защитников, погибших в схватках с разбойниками, но отстоявших жизнь своих близких. Дважды королевский отряд настигал разбойничье шайки и в коротких яростных сшибках разбивал их. Воинская выучка и доблесть аквилонцев одерживали верх над дурной силой и жестокостью разбойников. Они могли лишь грабить мирных жителей, но не биться с настоящими воинами, которые действовали умело и слаженно, прикрывали в бою друг друга и сами разили наповал.

Вблизи горного хребта между Киммерией и Асгардом королевский отряд остановился на ночевку. В укромной ложбине, где выбивался из-под земли родник с ледяной водой, аквилонцы переночевали, а наутро Конан не сразу объявил приказ выступать, а решил дать людям небольшую передышку. Он послал в дозор две тройки гвардейцев, а остальные

остались в лагере — готовили более обильный, чем обычно, завтрак, чинили снаряжение, правили заточку и крепление клинков.

Конан с сыном, разговаривая, отошли от лагеря не так уж и далеко, когда чуткий слух короля уловил приближающийся шум.

— Тихо! — негромко сказал он Конну. — Встань к этому дереву. Слышишь? Кто-то ломится по лесу. Один человек впереди, а за ним еще несколько.

— Мы спрячемся и пропустим их мимо? — так же негромко спросил Конн. — Или пойдем наперехват?

— Первый человек убегает от погони, — ответил король. — Торопится, шумит. Мимо нашей ложбинки точно не пройдет, спустится и пойдет прямо на нас, потому что сквозь кустарник по противоположному склону ему трудно будет забраться. А дальше — мы посмотрим, кто за ним гонится.

Так и вышло. Через минуту запыхавшийся человек в изодранной одежде сбежал по пологому склону в лощину и лишь жалобно пискнул, когда рука Конана, шагнувшего ему навстречу из-за дерева, ухватила его за плечо. Ноги подкосились под беглецом и он, тяжело дыша, опустился на землю, с ужасом глядя на короля.

— Кто ты такой и от кого бежишь? — спокойно спросил Конан.

Беглец был слишком испуган и вымотан, чтобы отвечать, а в ложбину уже сбегали его преследователи. Конан положил руку на рукоять меча и шагнул вперед. Перед ним постепенно выстраивалось восемь мужиков в столь же драной одежде, как и у того, которого они преследовали, только в отличие от него они все были с оружием. Разномастным, неухоженным, но с оружием. Один из них, здоровый детина с довольно наглой рожей, обратился к королю:

— Ты, это, отдай нам этого урода!

— В чем он виноват перед вами?

— Он, это, в Асгард лазил, скотина...

— И что? Детина набычился:

— Не велено нынче в Асгард ходить! Или ты, это, сам туда собираешься? Так лучше забудь!

— Вы кому служите? — надменно спросил Конан.

— Мы-то? Черному Бригусу.

— А он кто такой?

— Ну, это, как его? Верховный посвященный, ага...

— Маг? Жрец?

— Маг, вроде...

— И с каких это пор всякие маги закрывают людям дорогу в Асгард? Если мне будет нужно, то я поеду туда, даже если все маги мира встанут у меня на пути! Понятно?

— Вот как? Бей его! — взревел предводитель, обращаясь к своим бойцам, еще не отдохнувшимся толком.

Он не успел даже размахнуться для удара, как кулак короля выбил из него сознание, пару зубов и боевой дух. И он еще падал навзничь, как срубленное дерево, а Конан уже врезался в толпу его подручных, разметав их, чтобы они не встали против него сплошной стеной. Опрокидывая врагов на землю, сокрушая могучими ударами кулаков их ребра и челюсти, король пробился сквозь них, выхватил из ножен меч и, развернувшись, снова обрушился на противников. Этим маневром он заставлял их развернуться спиной к своему

сыну, а сам мог теперь бить их одного за другим. Король мгновенными ударами зарубил двоих противников и тут же принял на меч удар боевого молота. Сталь загудела от обрушившейся на нее моши, но Конан выдержал, сильнейшим толчком отбросил нападавшего, всаживая левой рукой ему в грудь кинжал, и сразу же был вынужден отражать удар тяжелой секиры. Клинок оказался заклиниен между окованным железом древком и обратной стороной лезвия секиры. Опытный боец не давал освободить клинок и старался вывернуть меч из рук короля, ожидая, что кто-нибудь поможет ему добить могучего противника. Краем глаза король увидел, что его сын бьется с тремя врагами и уже свалил одного из них. Конан выпустил рукоять своего меча, резко двинулся на соперника и жесткими пальцами ударили его в глаза, отшвырнул его с дороги и бросился на помощь сыну. Тот в это время грамотно смеялся в сторону, разворачивая своего противника лицом к солнцу, точным выпадом достал его руку и наносил уже тому добивающий удар, но позади Конна уже воздвигся еще один враг, заносящий для удара топор. Король достал его в броске. В руках Конана уже не было оружия, но его ладонь упала на хребет врага как тигровая лапа, так что тот рухнул на колени, не успев нанести удар. И тут же клинок Конна нашел его сердце.

Конан быстро обернулся и оглядел поле боя. Нападать на них больше было некому. Шевелился еще один раненый, ссыпал проклятиями сидящий на земле и держащийся руками за лицо другой, но никто не был готов сейчас сражаться.

— Ты как, не ранен? — спросил Конан сына.

— Нет.

— Ну, хорошо. Ты слишком увлекся добиванием одного противника и упустил из виду второго. Запомни, когда бьешься с несколькими врагами, то должен наносить удары поочередно то по одному, то по другому. Но ты молохец, хорошо держался. Очень часто новичков берет оторопь при первом столкновении с настоящим противником.

Король прошел вдоль поверженных врагов, подобрал свое оружие и быстрыми точными ударами добил раненых. Потом вернулся и грозно склонился над беглецом, который старательно пытался вжаться под корни ближайшего дерева.

— Ты что вынес из Асгарда?

— Ничего...

— А это что?

Конан отвесил беглецу увесистую затрецину, рванул у него рубаху и вытащил спрятанный сверток. Там оказался небольшой увесистый предмет длиной чуть более локтя, замотанный в старую тряпку. Король осторожно развернул тряпку и увидел жезл темной бронзы, покрытый у основания несколькими рядами непонятных символов, а в навершии заключавшего крупный прозрачный камень. По жезлу змеилась длинная продольная трещина. Похоже было, что этот явно магический жезл побывал в схватке и не выдержал ее.

— Где взял? — грозно рявкнул Конан.

— Нашел...

— В Асгарде?

— Ага...

— Как ты прошел в Асгард? Без препятствий? И что ты там вообще видел?

— По границам Асгарда разъезжают небольшие отряды конных, человек по пять-десять. Но я прятался, пропускал их мимо себя и прошел достаточно легко. Через полдня пути вышел к месту, где полегло человек в двести, не знаю уж, кто там с кем бился, я прошел по самому

краю вонь там уже страшная, нашел вот эту штуку, прихватил ее и пошел назад. Ночевал в лесочке у подножия горы и видел, как в полночь на горе появилась темная фигурка человека, видимо, творившего какие-то заклинания. Воздух вокруг него мерцал и переливался сполохами колдовского огня, и небо опрокидывалось на землю... Потом все кончилось. На рассвете я вернулся в Киммерию, и тут меня заметили. Я рванул от них через болотистый ручей, а они остались коней и погнались за мной. И вот мы здесь.

— Я заберу у тебя эту вещицу, — задумчиво сказал Конан, рассматривая жезл. — Ни к чему она тебе.

— Вы можете забрать даже мою жизнь, — вздохнул беглец.

— Вот и не забывай об этом! Похоронишь убитых и соберешь все ценное, что у них найдется, я потом гляну. Карапузы мы тебя не будем, но бежать от нас я тебе не советую. Понял?!

— Да, господин.

Король с сыном вернулся к лагерю. Воины уже сложили все вещи и были готовы выступать. Как раз вернулись и посланные в разведку.

— Дорога на Асгард свободна, — доложил королю десятник Виссонт. — Между гор проходит хорошая дорога, мы проехались по окрестностям, встретили небольшую деревушку. Подъезжаем — навстречу нам вываливается несколько мужиков, вооруженных как попало. Кто, мол, такие да чего надо... Какой-то поганый разговор у нас получился. Наглые они чересчур были. Тут еще бабы из своих домишек повылезали и давай выть, что обижают их эти разбойнички. Короче, порубали мы эту сволочь. А бабы потом сказали, что по окрестностям этих уродов до трех десятков шастало. Так что мы с ними, возможно, еще и встретимся.

— Сколько вы убили?

— Шестерых.

— И мы восьмерых. Так что, считай, половины уже нету. Ладно, сейчас позавтракаем и выступаем!

* * *

Отряд выехал по разведенной дороге, выслав опять передовой дозор. Ехали с опаской, не расслабляясь. Первые боевые столкновения заканчивались в пользу аквилонцев, но опасность засады была вполне реальной. Впрочем, до гор они доехали вполне благополучно. Дорога в Асгард пролегала через широкую долину между гор, достаточно крутых, чтобы по ним нельзя было проехать на лошади, но хорошо просматриваемых. Так что королевский отряд беспрепятственно преодолел половину пути, но за очередным поворотом дороги их уже ждали. Пятеро конных перегородили дорогу, но это все же была не засада, а попытка договориться по-хорошему. Аквилонские дозорные остановились, увидев чужаков, дождались воинов основного отряда и все вместе подъехали к ним.

— Куда путь держите? — встретил аквилонцев предводитель чужого отряда.

— В Асгард, — уверенно отозвался Конан.

— В Асгард сейчас ехать нельзя.

— Почему?

— Там сейчас царит смерть и безумие. Если вы не боитесь погибнуть, то вы ведь можете вернуться и вынести беду за пределы Асгарда. Это вам очень надо?

— А ты сам там был, что об этом рассказываешь?

— Нет. Мы поставлены на страже границы. И нам совсем не хочется соваться в Асгард.

— И кто же вас поставил?

— Нас? Черный Бригус. Но он всего лишь один из магов, которые охраняют сейчас Асгард.

— Понятно. Так вот, я — Конан, король Аквилонии и киммериец по рождению. Я пройду этим путем, хотя бы передо мной встали все маги мира! Я сам увижу, что происходит в Асгарде, а не буду слушать дурацкие байки, переданные по цепочке слухов! Прочь с дороги!

— Безумный! — крикнул предводитель стражи, разворачивая своего коня. — Ты идешь к гибели сам и ведешь к ней своих людей!

Конан двинулся вперед, неторопливо и неотвратимо, следом за ним двинулись остальные аквилонцы, пятеро противников не стали испытывать судьбу и поскакали прочь. Королевский отряд поехал следом, неторопливо, чтобы не попасть в ловушку. Топот копыт стражников медленно стихал впереди. Пустив вперед дозорных, отряд уверенно двигался вперед, и наконец горы кончились, перед аквилонцами открылась зеленая равнина Асгарда. Слева еще тянулась каменная гряда в несколько человеческих ростов высотой, но дальше дорога шла уже по равнине. Перед выходом в Асгард по правую сторону от дороги на небольшой возвышенности стоял отряд в полтора десятка вооруженных всадников. Конан скривился и сказал сыну:

— Хорошо встали. Атаковать их снизу вверх здесь было бы очень тяжело, а идти мимо них — могут обрушиться на нас сверху вниз. Что делать будем?

— Проходить мимо них, но быть в готовности отразить нападение, — поразмыслив, ответил Кони.

— Пожалуй, да. Лучники, к бою! Двигаемся вперед, не выпуская противника из виду. Оружие держать наготове. Пошли!

Королевский отряд двинулся вперед, без лишней медлительности, но и не ускоряя ход, чтобы в случае нападения легче развернуться навстречу врагу. Отряд стражи, занимавший позицию на холме, выжидал. Или чего-то ждал? Они могли атаковать с преимуществом в скорости и силе удара, но их нападение было лишено момента внезапности. И конные воины на холме стояли на месте — угрожающе и опасно, но рискнут ли они напасть? Они пропустили аквилонцев мимо себя и кое-кто уже решил было, что все обойдется, но тут ряды стражи дрогнули, и они, стремительно набирая скорость, ринулись в атаку.

— К бою! — крикнул Конан, не спускавший глаз с противника, и обнажил свой меч.

Гвардейцы быстро и четко развернули коней, лязгнули клинки, вынимаемые из ножен, а стрелки, державшие луки наготове, но скрытыми от взгляда противника, немедленно начали стрелять. Они успели выпустить по три стрелы, проредившие ряды атакующих, а четвертый выстрел пришелся уже в упор — в налетающих на аквилонцев врагов. Стрельба королевских гвардейцев не только выбила половину врагов, но и расстроила их ряды, лошади с ранеными и убитыми всадниками мешали остальным стражникам, но они все же обрушились на короля и его людей с бесстрашием и яростью обреченных. Аквилонские воины с флангов рванулись навстречу врагам, и те мгновенно оказались в коридоре готовых к бою гвардейцев. Осыпаемые беспощадными ударами, все атакующие были вырублены в короткой схватке.

Конан опытным взглядом углядел среди поверженных тел вражеского предводителя,

спрыгнул с коня и наклонился над истекающим кровью противником:

— Зачем ты напал на нас? Ты что, не видел, что мы — добыча не для тебя?!

— Мы выполнили свой долг, — прохрипел раненый. — Вы не остановились бы добром, а пропустить мы вас никак не могли. Вы мертвы в любом случае. Мы — тоже...

Конан наблюдал на своем веку достаточно смертей, чтобы увидеть в глазах раненого, что жизнь уже покидает его. Конан выпрямился и снова огляделся. Все враги были повержены, никто больше не грозил королевскому отряду.

— Ну, вот, — сказал король сыну. — Еще одна наша победа. Проклятье! Не нужна мне была эта битва и эта победа, мы бы прекрасно обошлись без нее. Зачем они напали?

— Не знаю.

— Но делать нечего. Виссонт, — окликнул Король десятника, — возьми двух воинов и посмотри, что там за грядой. Я не думаю, чтобы там была засада, но проверь на всякий случай. И сразу возвращайся назад.

Тroe гвардейцев поскакали вперед, а остальные тем временем ловили лошадей, оставшихся без всадников, обыскивали трупы и складывали их рядком, чтобы похоронить. Король с сыном отошли в сторонку и присели на придорожные камни.

— Что-то мне тревожно на душе, — сказал Конан. — Если бы мы были на войне, все было бы проще. Там ясен противник и понятна цель. Там за нашей спиной стояло бы войско Аквилонии, а далеко впереди разъезжали бы сильные отряды разведчиков. А здесь непонятно, что происходит. Стражники, который мы побили, были опасны лишь для одиноких путников, нас они остановить не могли. Они вообще не должны были на нас напасть! Однако, напали...

— Значит, своего хозяина они боялись больше, чем смерти? — предположил Конн.

— Понимаешь, когда раньше я встречался с прислужниками разных магов, они производили впечатление более тупых и несамостоятельных. Велено им стеречь — стерегут. Велено убивать — убивают. А эти пытались нас уговорить, удержать. Напали, когда поняли, что не удержат. Под властью магов люди обычно себя так не ведут. И общее впечатление от происходящего у меня смутное. Чувствуется, что идем мы в самом деле в опасный поход, только в чем заключается та опасность, не пойму. Опять же когда я был один, было проще почувствовать врага. Сейчас я держу в мыслях не только действия возможного противника, но и командую своими людьми. Я должен вовремя отдать им приказ, а когда я один, то действую свободнее. Мне не надо беспокоиться за других, а удар моего клинка быстрее команды «Бей!»

— Что же ты предлагаешь?

— Я думаю, не сходить ли мне в разведку самому. А вас пока оставить здесь.

— Но тогда никто не прикроет тебе спину!

— Знаешь, я обычно способен почувствовать, когда враг пытается подойти ко мне со спины.

— Но какого противника ты ожидаешь встретить? Вдруг тебе все же понадобится помощь?

— Я не знаю, кого я встречу. Вряд ли это будут победившие в Великой битве великаны или демоны, привлеченные смертью многих тысяч воинов. Меня больше беспокоит деятельность магов вокруг Асгарда. Что они попытаются извлечь для себя? После битвы могли остаться магические амулеты, сохранившие свою волшебную силу. Возможности этих амулетов я могу лишь предполагать. Самое страшное, если эти маги попытаются собрать

остатки силы павших богов и увеличить за счет нее свое могущество. Об этом даже думать жутко. Но что это Виссонт не возвращается?

— Не знаю.

— Даже если там не ровная местность, а нагромождение камней, он не должен был забираться слишком далеко...

— Ты думаешь, они попали в засаду?

— Да не сунулся бы Виссонт в засаду... — пробормотал Конан, все более мрачнея, потом решился и громко скомандовал. — Тревога! По коням!

Гвардейцы бросали свои дела и садились в седла. Конан и Конн сделали то же.

— Вы остаетесь здесь, — приказал король двум гвардейцам. — Остальные должны выехать по широкой дуге на равнину и оттуда посмотреть — что делается за грядой. Если Виссонт со своими людьми попал в беду, сначала вернетесь ко мне доложить, тогда мы вместе двинемся им на выручку. Если вы их не увидите, то постепенно проедете за гряду, держась на расстоянии полета стрелы от нее, а мы последуем за вами. Понятно?

— Поняли.

— Вперед.

Четверо конников медленно прорысили по дороге и, повернув влево, выехали на равнину Асгарда. Продвинувшись сотни на три шагов, они стали забирать вправо. Король с сыном и двумя воинами оставался в сотне шагов от края гряды.

— Отчего же мы не поехали вместе с ними? — тихонько спросил Конн у отца.

— Оттого, — так же негромко ответил Конан, — что если мы столкнемся с непреодолимой силой, то отступим. Пока у нас есть возможность отступить.

— Ты же никогда не отступал перед врагом?

— Не так. Если у меня выбор «умереть или сражаться» я буду сражаться даже без малейшей надежды на победу. Если мне будет некуда отступать, я буду биться даже с непреодолимой силой. Но если у меня есть возможность отступить и искать иные пути к победе, то мы отступим.

Тем временем конники начали понемногу смещаться в сторону каменной гряды. Конан уже тихонько тронул своего коня, чтобы тоже двинуться вперед, но они продвинулись всего лишь на несколько шагов, как в это время четверо аквилонских воинов на равнине рванули коней в галоп, видимо увидев перед собой опасность и, безжалостно пришпоривая своих скакунов, понеслись назад.

— Стоять на месте! — жестко скомандовал король. Он не видел противника и не мог принять решение — отступать или идти на помощь своим воинам, Конан ждал, пока противник появится в поле зрения.

Враг появился внезапно. Режущий уши визг разорвал небо и слева, из-за нагромождения камней вылетел острый осколок, словно целиком состоящий из белого света, и с огромной скоростью пронесся над аквилонскими всадниками, двое из которых вместе с лошадьми на всем скаку тут же обрушились на землю. А сверкающий объект мгновенно развернулся в воздухе по кругой дуге и рванул вдогонку за уцелевшими королевскими гвардейцами, срезал в полете еще одного из них и упал возле самого края гряды, превратившись в фигуру высокого человека в черной блестящей одежде, угрожающим жестом протягивающего руку вперед, в сторону приближающегося всадника.

— Убить его! — скомандовал Конан, резко бросая своего коня вперед. Он сразу оценил, что уйти от такого противника будет гораздо труднее, чем сделать попытку достать его

сейчас, пока он стоит совсем рядом и вряд ли успеет защититься.

Все происходит очень быстро. Вот с руки человека в черном срывается огненная стрела и летит в приближающегося всадника, но аквилонец буквально за миг до этого делает рывок в сторону и огненная вспышка расцветает в нескольких шагах за его спиной. Гвардеец снова меняет направление движения и устремляется теперь прямо на своего грозного противника, кидает в него кинжал, но тот легко уклоняется и повторяет свой угрожающий жест. Воин вместе с лошадью исчезает в безумной вспышке злобно шипящего белого пламени. Визг животного заглушает крик человека и оба они рушатся на землю обугленной дымящейся бесформенной массой. И тут же маг обворачивается навстречу мстителям за спаленного аквилонца. Конан со своими соратниками налетает на него как ураган смерти и возмездия. Если врагу и удастся уклониться от смертельного удара клинка, его сбьют с ног и затопчут копытами несущихся лошадей. Маг не успевает применить свою силу, воздух вокруг него уже рубят клинки аквилонцев, но ему каким-то образом удается избежать гибельных ударов, всадники уже проносятся мимо, а он делает рывок вперед, оставляя их у себя за спиной, и стремительно бежит к каменной осыпи.

Когда король со своими людьми развернул коней и вернулся назад, человек в черном уже поднялся достаточно высоко, и достать его они не могли. Конн, вооружившийся перед боем с некоторым избытком, выхватил из перевязи метательный нож и сильным броском вогнал его магу в плечо. Тот вскрикнул от боли, но рана не была смертельной, Конн уже замахивался было для второго броска, но маг успел уйти за каменную глыбу.

— Ты зачем в плечо бил? — спросил Конан.

— Промахнулся...

— Тогда пошли его добивать Джус, — обратился он к одному воину, — оставайся здесь и жди нас. Перек, ты пойдешь с нами.

Поднимаясь на гряду, Конан быстро вырвался вперед, впрочем, здесь не было особо тяжелых участков. Конн и Перек изо всех сил старались не отстать от короля. А он вполне был уверен, что справится с раненым магом и в одиночку, но предполагал, что дальше может оказаться ситуация, в которой противник не позволит к себе приблизиться. Тогда могут понадобиться помощники. Конан стал замечать на камнях редкие капли свежей крови ишел теперь вполне уверенно. Он по привычке прислушивался, чтобы не дать врагу возможности подловить преследователя, затаившись за одной из каменных глыб и ударив в упор, наверняка. Но, судя по всему, бегущий маг стремился к какому-то известному укрытию и не пытался ставить ловушки позади себя.

Конан поднялся на гребень и увидел спускающегося вниз по склону мага. Конан подхватил под ногами кусок камня и запустил им во врага, но тот как раз оглянулся и успел шмыгнуть за ближайшую скалу, высунулся оттуда, и теперь уже король едва успел укрыться, как огненная вспышка взметнула перед ним горсть раскаленных каменных брызг. Конан от души выругался, обернулся и крикнул Конну и Переку, чтобы они были поосторожнее, и снова двинулся в погоню. В нем сплетались сейчас азарт погони, желание отомстить врагу за гибель своих людей и рассудочное опасение оставить у себя за спиной такого противника, если все же выбрать отступление.

После непродолжительной погони черный маг укрылся в пещере на склоне горы, от которого и тянулась каменная грязь. Когда Конан попытался заглянуть в пещеру, из глубины ударила очередная огненная стрела. Король снова выругался, укрылся рядом со входом, дождался своих спутников и подозвал их к себе.

— Что будем делать? — возбужденно спросил Конн.

— Не знаю. Опасно уходить, оставляя позади врага, который может собраться с силами и отправиться за нами в погоню. В ближнем бою мы с ним еще можем справиться, а в чистом поле он разделается с нами, и мы ничего не сможем с этим поделать. Но и лезть в пещеру под магический огонь тоже не хочется. И выкурить его нечем. Разве что отправить вас поискать каких-нибудь дров для костра и нарвать травы для дымовухи. Можно еще попробовать завалить вход камнями, но это долго, тяжело и не очень надежно. Но подожди пока.

Король подвинулся к краю своего укрытия и крикнул:

— Бригус! Черный Бригус! Я ничего не перепутал, это ведь твое имя?

— Что тебе надо? — отозвался маг.

— Зачем ты убил моих людей, Бригус? Они ведь тебя не трогали!

— Вам ведь сказали, что Асгард закрыт. Вы не поняли. Я не желал никому зла, но я не мог допустить, чтобы они вернулись назад.

— А мы тоже в твоих глазах обречены на смерть или ты нас все же отпустишь?

Маг ответил после долгой паузы, видимо, обдумывал ответ:

— Вы пока стоите на грани. Если сейчас вы уйдете как пришли, и не будете соваться в Асгард, вас не будут преследовать.

— Послушай, Бригус! Ты прекрасно должен понимать, что мы не можем рассчитывать лишь на одно твое слово. Окажи нам честь и проводи нас!

— Это чтобы я сам пошел в заложники к мародерам?

— Это кто это тут мародеры? — возмутился Конан.

— А кто же вы? — изумился Бригус. — Или вам приспичило повидаться в Асгарде со своими родственниками? Могилки предков прибрать? Никого, кроме мародеров, мы тут не видим! Только одни лезут скрытно, а другие, вроде вас, ломятся в открытую!

— Я король Аквилонии! — голос короля зазвенел металлом. — Мне добыча не нужна! Я направлялся к месту Великой битвы не трупы обирать, а разобраться в происходящем! Чтобы самому узнать, что там происходит.

— Король? У тебя в королевстве других дел уже больше не осталось? В Асгарде сейчас уйма дел для Посвященных, а праздно любопытствующим там делать нечего!

— Ладно, я чувствую, что ты меня не поймешь, — сказал Конан. — Давай вернемся к тому, с чего я начал — мы готовы вернуться назад, но нам нужен сопровождающий как залог нашей безопасности. Мне очень не поправилось, как ты расправился с моими людьми, и я не рискну оставить тебя у себя за спиной. Что ты можешь предложить?

— Ничего!

— Тогда, Бригус, ты не оставляешь мне выбора. Кто-то из нас должен будет умереть. Готовься! Но если передумаешь, дай мне знать.

— Вы грозите смертью Черному Бригусу? — раздался сзади чей-то спокойный голос.

Пока Конан переговаривался со спрятавшимся в пещере магом, а Конн и Перек упоенно слушали этот диалог, к ним сзади тихо подошел какой-то человек и, услышав последнюю фразу короля, заговорил с ними. Конн обернулся к нему, хватаясь за меч, но оставаясь на месте. А вот Перек, стоявший позади него, от неожиданности и мгновенного осознания того, что он не уследил за противником и подпустил на непозволительно близкое расстояние врага, кинулся на того с занесенным для удара клинком, чтобы пусть запоздало, но прикрыть своего повелителя и его наследника. Бросок Перека оказался ошибкой.

Конан и Конн успели понять, что человек, подошедший к ним, не собирается немедленно нападать на них, но в ответ на занесенный клинок он лишь слегка качнул своим посохом, и подкосились ноги аквилонского гвардейца, закатились его карие глаза, потеряла силу рука, привычная сокрушать врагов в беспощадной схватке, и Перек замертво упал на камни. А старик с посохом сокрушенno качал головой, глядя на мертвое тело перед собой:

— Ах, люди меча, люди меча, — горестно сказал он. — Все бы вам разить врагов направо-налево. Нет, чтобы сначала понять, кто тебе настоящий враг...

Одет он был в длинный балахон, на ногах старые стоптанные сандалии, объемистый мешочек синего цвета на поясе, седые волосы стянуты узорной тесемкой. Длинный посох, окованный снизу полоской потемневшей меди сверху заканчивался пучком веточек, покрытых зелеными листочками.

— Очень опасно, — тихонько шепнул Конан сыну. — Не расслабляйся ни на миг и не выпускай его из виду. Я присмотрю за пещерой.

Король постарался незаметно вытащить свой кинжал и взял его в левую руку обратным хватом, скрывая клинок за предплечьем, готовый в случае надобности бить внезапно для противника. Старец остановился в нескольких шагах от отца с сыном, никаких признаков страха он не показывал, но встал так, что выпадом меча его бы не достали, а то, что бросаться на него издали не имело смысла, Конан и его сын поняли прекрасно.

— Бригус! — позвал старец. — Выходи к нам, а то здесь молодые люди серьезно рискуют заработать косоглазие, пытаясь уследить за нами обоими сразу.

Черный Бригус осторожно выглянул из пещеры и медленно выбрался наружу. Он был бледен, а на левом плече топорщилась окровавленная повязка. В правой руке он сжимал серебряный жезл, а его костюм из черной кожи обильно был оснащен блестящими бронзовыми пряжками и подвесками с магическими символами. Чувствовалось, что рана его тяготит, но он напряжен и готов к схватке.

— Что ж, — сказал Конан, обращаясь к старцу с посохом. — Наша встреча состоялась не лучшим образом, но что делать? Я Конан — король Аквилонии. Это мой сын и наследник Конн. С Черным Бригусом я некоторым образом уже познакомился. А кто ты, уважаемый?

— Белероникс. Верховный друид. Но подожди немного, я пока займусь раненым.

Белероникс повернулся к Бригусу и стал неторопливо делать поглаживающие движения возле его раны, спокойным тоном объясняя при этом:

— Вот говорил же я тебе, Бригус, не увлекайся применением силы. Чем это тебя угостили?

— Ножом, — скривившись, отозвался раненый маг.

— Ну, вот видишь? Ты не смог уберечься даже от какого-то ничтожного куска железа. Учись слушать силы природы, и тот же самый результат ты будешь получать с применением малых сил. Послушай старика, пока не поздно, тебе на пользу пойдет.

— Ты мудр, Белероникс, — ответил Черный Бригус с очередной гримасой на лице. — И я, несомненно, воспользуюсь твоими советами. Но сейчас у меня не было другого способа остановить аквилонцев.

— И опять же, — возразил старик, — ты мог просто не допустить такой ситуации, если бы не рассчитывал чересчур на применение сил разрушения. Ну, как, тебе полегчало?

— Конечно. Благодарю тебя, Белероникс. Верховный друид обернулся к Конану:

— Ну, так что же хотел найти король могучей Аквилонии на месте Великой битвы?

— Попятно что! — с вызовом ответил Конан. — Не волшебных мечей и не магических

амулетов, не золота и драгоценностей, хотя все это вполне могло там найтись. Я хотел узнать, кто победил и чего можно ждать от победителя. Готовиться ли мне к сражениям с новым врагом или попытаться взять под свою руку обезлюдевшие земли. Разве это не естественное стремление любого правителя?

— Ну, конечно. Но дело в том, что в Асгарде была не обычная битва, а Великая. Знаешь, в чем состоит отличие? Великая битва изменяет мир, так что обычные мерки здесь не подходят. Ты нашел бы свою смерть, даже не успев толком ничего понять.

— Так объясни мне, что там происходит. Кто все же победил?

— Никто.

— Так не бывает.

— И все же. Там погибли боги Севера и все призванные ими воины. Они мертвые, но добились своей цели — отстояли наш мир. А сражавшиеся против них великаны и их чудовищные союзники, призванные из пекельных миров, понесли невосполнимые потери и не смогли воспользоваться результатами своей победы. Уцелевшие победители были вынуждены покинуть наш мир.

— То есть Асгард сейчас брошен и пуст? — спросил Конан.

— Ну да, пуст, — усмехнулся Белероникс. — Он был пуст как котел с кипятком. Незакрытые входы в пекельные миры! Сгустки сил, освобожденные из разрушенных могучих талисманов! Скопления неуспокоенных душ павших, собирающиеся вокруг развоплотившихся и потерявшими силу богов! Проклятия, не нашедшие цели! Не-жизнь! Ты не считаешь себя мародером, король Аквиilonии, ты пришел с высокими целями и благородными помыслами! А мы, по-твоему, мародеры? Искатели бесхозных амулетов, мечтающие о власти над миром? И не пускающие в Асгард никого, кто мог бы нам в этом помешать, так ты думаешь?!

— Сколько я имел дела с магами, ничего другого я у них и не видел, — не смущаясь король.

— Ты не зарывайся, не надо. Мы ведь еще не решили, что с тобой делать. Так вот, мы — Посвященные, маги и жрецы, друиды и шаманы, собрались в Асгард, чтобы устроить павшим в Великой битве достойные похороны. Мы сделали уже большую часть этой нелегкой работы, так что не надо нам мешать! Осталось лишь окончательно подавить не-жизнь.

— И что же это такое?

— Ну, ты представляешь, как на голой земле прорастает трава? Как из крошечного семечка вырастает огромное дерево?

— Конечно.

— Так распространяется жизнь, заполняя собой все доступное ей пространство мира. Жизнь при этом постоянно поедает сама себя — скот ест траву, люди забивают скот и поедают его, потом люди ложатся в землю и становятся кормом для травы. Но в этом вечном круговороте жизнь не скучеет, а постоянно разрастается и приумножается. Жизнь неисчислимым количеством невидимых связей питает мир духов. А не-жизнь убивает все живое и распространяется, оставляя за собой мертвое пространство. Похоже, она питает какую-то паразитную Сущность мира духов. Нам с большим трудом удалось остановить ее распространение и свернуть ее так, чтобы она потеряла выход в наш мир. И в это время ты влезаешь в наши дела, как ребенок, тянувшийся к огню!

— Что же вы пытались остановить меня жалкими угрозами ваших прислужников? Не лучше ли было сразу объяснить мне все это?

— Ты это всерьез? — изумился Бригус, — Объяснять каждому искателю несметных сокровищ, что идти сейчас в Асгард — опасно?

— Да, — признал Конан, — люди обычно плохо воспринимают слова, вооруженная охрана куда доходчивей.

— То-то и оно, — согласился Белероникс, — Ты ведь, король Конан, сам стоишь перед нами как олицетворение нового мира, и прекрасно понимаешь это.

— Ты это о чем? — насторожился Конан.

— Ты — воин, ставший правителем. И это примета нового мира. В прежние времена, когда людей было еще мало, самый важный человек среди людей был хранитель знаний, и никому тогда и в голову не могло бы прийти напасть на встречного, хотя бы и чужого тебе человека, чтобы забрать его имущество, убить его или превратить в раба. Много воды утекло с тех пор, люди научились убивать друг друга, и главным среди людей стал воин. Вдумайся сам — как это дико! Человек, хранящий память поколений и умеющий разговаривать с высшими духами, должен искать защиты у воина, который может быть совершенным балбесом и уметь лишь одно — бить врага чем-нибудь тяжелым по голове! Знания и мудрость обесценились по сравнению нанести врагу смертельный удар. И даже люди, сохранившие остатки древних знаний, нынешние жрецы и маги чаще думают уже не о том, как принести пользу хотя бы только своему роду, а о том, как обрести личное могущество и власть. Ничтожные наследники былого величия! Ничтожные не по силам своим, порой им удается управлять довольно мощными талисманами, ничтожность целей — вот что снова и снова приводит их к поражению. Не так ли?

— Наверное, так, — согласился Конан.

— А иначе ты не смог бы одержать столько славных побед, о которых теперь рассказывают по всему миру. Маги, боровшиеся с тобой, задолго до своего поражения сбились с истинного пути хранителей знаний. Твой путь, человек меча, чужд мне, но я не могу не признать, что на своем пути ты делаешь то, что должен. Я готов довериться твоему слову, король Конан Аквилонский! Если ты обещаешь не делать больше попыток помешать нам и повернешь назад, мы отпустим тебя с миром. Что скажешь на это? Конан задумался.

— Сколько еще времени будет действовать ваш запрет на посещение Асгарда? — спросил он наконец.

— До осени мы управимся. А там выпадет снег, и искатели сокровищ поневоле отложат свои попытки пройти в Асгард. Ну а на следующий год — пусть идут. Они уже ничего не найдут.

— Хорошо, — сказал король. — Я клянусь вернуться назад и в этом году больше не посещать Асгард и не посыпать в него своих людей.

— Тогда пойдем с нами, — сказал Белероникс. — Нет нужды карабкаться по камням.

— Постой, — остановил его Конан, — я должен узнать, что стало с тремя моими воинами, которые первыми въехали в Асгард.

— Не ищи их, их нет, — мрачно ответил Бригус.

— Тогда я должен хотя бы похоронить своих людей, — нахмурился король.

— Мы позаботимся о них, — сказал Белероникс, — Ты можешь мне верить, я служу жизни и позабочусь о том, чтобы мертвые обрели свой покой.

Четверо путников обогнули каменную гряду и вышли на дорогу, где их ждал Джус, собравший возле себя табунок лошадей и груду вещей и оружия. Он радостно шагнул навстречу королю и тут же помрачнел, поняв, что остался последним из всего отряда

аквилонских гвардейцев.

— Все наши погибли, Джус, — сказал ему Конан, поняв мысли воина, — Собирайся, мы возвращаемся.

— Белероникс, — обратился он к друиду. — Нам забрать лошадей, оставшихся от отряда стражи, или вы найдете им применение? Они мне не нужны, разве что одна, тогда мы пойдем каждый одувконь, но негоже бросать остальных в безлюдном месте без присмотра.

— Мы найдем людей, которые ими займутся, — ответил друид.

— Хорошо...

Джус разобрал остатки отрядного имущества и навьючил заводных лошадей. Конан и Конн оседлали своих коней.

— Счастливого пути, — сказал Белероникс.

— Подожди! — спохватился король. Он порылся в седельном мешке, достал оттуда сверток и протянул друиду. — Возьми это на память.

— Что это?

— Посмотри.

Старец развернул сверток и увидел жезл, который Конан отнял у беглеца из Асгарда. Внимательно осмотрев подарок, друид бросил быстрый взгляд на короля.

— Ты знаешь, что это? — спросил он.

— Судя по всему, магический жезл, — пожал плечами Конан.

— Конечно. Более того, вещь знаменитая и хорошо мне знакомая. Это воистину королевский подарок, Конан Аквилонский!

— Если она тебе пригодится, то тем лучше, Верховный друид, — отозвался Конан. — Она мне не нужна, и ее ценность для меня ничтожна. Пусть она послужит тебе и твоему делу. Надеюсь, что нам с тобой не придется встречаться в смертельном поединке. Прощай!

И король Аквилонии в сопровождении сына и последнего из своих гвардейцев поскакал в обратный путь.